

Е. Н. Ищенко

**СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ
КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА***

Проблема специфики гуманитарного познания, эпистемологических и методологических проблем гуманитарных наук в отечественной философской литературе до недавнего времени получала одностороннее освещение. Принадлежность гуманитарных наук к ведомству идеологии предусматривало анализ всех этих проблем исключительно в рамках марксистской парадигмы. За рамками рассмотрения оказались многие интересные и продуктивные идеи, выдвинутые западной философской мыслью XX века, информация о которых проникала в философскую литературу лишь в критической форме. Подобная ситуация была пагубной не только для философских исследований указанного круга проблем, но и сослужила плохую службу самим гуманитарным наукам. Разумеется, это вовсе не означает, что все философские работы, посвященные вышеперечисленным вопросам, можно признать не заслуживающими внимания современного исследователя.

Несмотря на идеологические препоны, отечественной гуманитарной науке, безусловно, есть чем гордиться. Ее достижения не вызывают сомнений и получили широкое признание за рубежом. Лингвистические, литературоведческие, исторические, психологические исследования отечественных ученых по праву вошли в анналы мировой гуманитарной мысли XX века. Отечественные гуманитарии в своих исследованиях *volens nolens* прибегали к рассуждениям о природе, объекте и методе гуманитарного познания, демонстрируя подчас тот свободный тип философствования, который отсутствовал в философских и методологических работах.

Десятилетия эпистемологического и методологического "изоляциялизма" привели к тому, что после единообразия, которое обеспечивала марксистская методология, произошел очень быстрый (фактически за последнее десятилетие прошлого века) переход к крайнему варианту "методологической свободы" (которую можно было бы даже назвать "методологическим анархизмом"). Интерес к прежде "запретным" идеям (впрочем, вполне понятный и естественный) зачастую приводит авторов к смешению самых разнородных методов и приемов исследований и торжеству известного принципа "anything goes".

* Работа выполнена в рамках индивидуального проекта Программы Oxford Colleges Hospitality Scheme.

© Ищенко Е. Н., 2004

Подобная ситуация характерна и для философии. Однако на смену процессу некритического увлечения разнородными (и зачастую противоположными по сути течениями) приходит стремление к методологической выверенности и концептуализации собственных размышлений. Разумеется, этот путь будет достаточно долгим и трудным, как для гуманитарных наук, так и для философии, для которой подобная рефлексия также представляется насущно необходимой. Этот процесс уже начат отечественными исследователями¹ и, бесспорно, будет продолжен.

“Второе рождение” проблемы специфики гуманитарной познавательной сферы происходит и в западной философии, что, конечно, не случайно. Причин и поводов тому множество, и как нам представляется, одним из них является новый поворот проблемы ответственности ученого.

Одним из неотъемлемых свойств социогуманитарного познания является то, что оно неразрывно связано не только с “расширением” культурного пространства, созданием новых культурных реалий, оно влечет изменение как внутреннего мира человека, так и реалий общественной жизни. Как справедливо отмечает С. Штрассер, “теоретические утверждения исследователя могут иметь далеко идущие практические эффекты <...> Современная история показывает, что такой эффект — не только мыслим, но действительно возможен. Вспомните о трех наиболее известных теориях в области гуманитарных наук. Каждый исследователь западной культуры признает, что экономическая теория Адама Смита, политическая теория Карла Маркса и психоаналитическая теория Фрейда повлияли как на жизни индивидуумов, так и на жизнь общества в целом; они создали новые ситуации, новые человеческие отношения, новые формы жизни”². Результаты научных исследований представляют собой и фактор, изменяющий социокультурный ландшафт, и зачастую основу новых общественных идеологем. Использование результатов исследований заставляет на самом деле задуматься над тем, “как наше слово отзовется”.

В связи с этим тема личной ответственности ученого приобретает полифоничное звучание. *Conditio sine qua non* научного творчества становится прежде всего стремление самого ученого разнести в своем сознании *оценку* и *факт*, *реальность* как она есть и *реальность* как она возможна, *другое* как *иное* и *другое* как *чужое*. К сожалению, “соскальзывание” научного исследования на уровень архетипов, приводящее подчас к стремительному превращению Другого в чужое, иное, иноверца, инородца etc.,

с "навешиванием" соответствующих коннотаций и ярлыков, начинается, порой, с вполне невинного желания подтвердить эмпирией предубеждения самого ученого.

Новый всплеск интереса к эпистемологии гуманитарных наук, конечно, связан и с теми глубинными подвижками в изменении представлений о человеке, природе субъекта и субъективности, которые ассоциируются прежде всего с влиянием постмодернистского проекта на современный философский дискурс.

Как ни странно, но острота проблемы "научности/ненаучности" гуманитарной познавательной сферы со временем не только не теряет своей остроты, но, напротив, получает все новое развитие. Так, Дж. Капуто обращает внимание на движение в среде ученых-естественников против релятивизации (relativizing) научных результатов, которая в их понимании связана с размыванием понятия "научности", и приводит пример деятельности Нобелевского лауреата Стивена Вайнберга³. Также острой и саркастической критике подвергает претензии "cultural studies" на научность А. Сокал. Он считает, что за популярностью и не всегда обоснованным использованием в научном и философском дискурсе термина "герменевтика" скрывается стремление "снизить" требования к научности и объективности в познании, что, в свою очередь, приводит к размыванию границ "научности"⁴.

Оказывается, что мы снова сталкиваемся с теми проблемами, которые были предметом дискуссий в XIX веке в рамках позитивизма, неокантианства, философии жизни, герменевтики.

Как нам представляется, исследованию философских проблем частных отдельных наук должен предшествовать анализ специфики гуманитарного познания в целом. В связи с этим нам представляется близкой позиция П. Уинча, определившего задачу эпистемолога следующим образом: "В то время как философия науки, искусства, истории и так далее будет иметь задачей разъяснение особенных природ тех форм жизни, которые называются "наукой", "искусством", и так далее, эпистемология попытается объяснить, что включается в понятие формы жизни как таковой"⁵. Вторым принципом нашего подхода к исследованию указанного круга проблем является необходимость рассмотрения гуманитарного познания в его исторической динамике. Третий принцип эпистемологического анализа состоит в выделении тех основных проблем, которые создавали "поле напряженности" для гуманитарных наук в поисках их места в пределах *globus intellectualis*. Эти принципы представляются нам необходимыми для начала кропотливой и трудной работы по "раскры-

ванию" герменевтических кругов, подстерегающих нас повсюду, где мы имеем дело с изучением человекообразной реальности.

При анализе гуманитарных наук мы сталкиваемся с двумя классами трудностей, если можно так сказать, "узловыми точками" герменевтических кругов. Во-первых, это класс проблем, которые можно условно обозначить как проблемы самоопределения "наук о духе". К ним относятся, прежде всего, терминологические разночтения в самом определении этой познавательной сферы в различных языковых и культурных традициях и проблема оснований классификации (таксономии), ее философия и идеология. Расширение дискурсивного пространства, с одной стороны, и разнообразие и разнопорядковость тех наук, которые подпадали под исторически и парадигмально меняющиеся определения "наук о человеке", приводили и приводят к необходимости структурирования гуманитарного познавательного пространства.

Во-вторых, это собственно теоретико-эпистемологические проблемы гуманитарных наук. Эти два класса проблем, как мы увидим, связаны между собой, но для адекватного эпистемологического анализа необходимо их разделение. К числу наиболее значимых проблем относятся, на наш взгляд, те, которые непосредственным образом связаны с основными "болевыми точками" "наук о духе" — "психологизм", "релятивизм" и "субъективизм". Критика гуманитарного познания как с точки зрения ученых и методологов, связанных со сферой естественных и точных наук, так и с точки зрения философов, происходила, прежде всего, по этим трем ключевым позициям. В качестве таких проблем мы выделяем проблемы теоретической нагруженности эмпирических фактов, языковой обусловленности гуманитарных наук и ряд ее аспектов (проблема мета-языка, языковой традиции и т.п.) и проблема полиинтерпретируемости (polyinterpretability) (термин С. Штрассера) как неотъемлемого свойства гуманитарных наук. В предлагаемой статье мы хотели бы начать работу по распутыванию этих "узлов", которая несомненно важна, актуальна и требует своего продолжения.

Начнем наше рассмотрение с терминологических и таксономических трудностей. Прежде всего, стоит сказать, что парадигмальные революции в гуманитарных науках самым непосредственным образом связаны с изменениями общекультурных представлений о человеке и его месте в мире, что отражалось и на уровне "названия" ("именования"), и на уровне классификации отдельных наук в рамках общего поля "наук о духе".

Как известно, в различных языковых традициях гуманитарные науки именовались по-разному, и здесь, прежде всего, стоит согласиться с С. Штрассером, указавшим на принципиальное различие в понимании (если не сказать точнее — в пред-понимании и, соответственно, в пред-убеждении) относительно сущности гуманитарного познания в англоязычной и немецкоязычной традициях. "В англоговорящих странах люди традиционно ознакомлены с различием между "науками" ("sciences") и "гуманитарными науками" ("humanities"). В германоговорящей части мира люди используют термин "Wissenschaft", чтобы определять историю, филологию, философию и психологию также как физику, медицинскую науку и т.п."⁶. В связи с этим стоит заметить, что русскоязычная версия термина "гуманитарные науки" представляет собой своеобразный "синтез" двух традиций — сохранение указания на гуманистическую традицию совместно с коннотацией научности.

Многообразие имен, которыми называется гуманитарная познавательная сфера, является в то же время ее отличительной чертой. Можно сказать, что естествознание в этом смысле претерпевало скорее "терминологическую эволюцию" — возникновение новых названий частных наук было связано с экспансией в новые предметные области или с возникновением пограничных областей (биофизика, физическая химия и т.п.), не говоря уже о том, что общее название наук оставалось практически неизменным. В гуманитарных науках ситуация была качественно иной. За терминами "Kulturwissenschaften", "Geisteswissenschaften", "humanities", "social science", "moral science" etc. скрывались фундаментальные парадигмальные подвижки.

Происхождение термина "humanities", которым до сих пор часто обозначают сферу гуманитарных наук в англоязычной традиции, связано с европейским гуманистическим движением эпохи Ренессанса. Сам термин отражает тот комплекс убеждений гуманистов, который основывался на признании исключительной значимости для становления и воспитания человеческой личности, изучения истории, латинского и греческого языков, литературы — то есть всех тех областей знания, которые и вошли изначально в понятие "гуманитарные науки". Термин, связанный с определенной исторической традицией, со временем подвергся существенной трансформации (если не сказать, деконструкции). Влияние позитивистского проекта, распространение прагматических идей, расширение предметной сферы, становление новых исследовательских программ привело к возникновению

терминов "social sciences", "moral sciences", "behavioral sciences", "sciences of the mind". В рамках германоязычной традиции, как известно, термины "Geisteswissenschaften", "Kulturwissenschaften" возникли в контексте дискуссий в неокантианстве, философии жизни и герменевтике, которые были связаны с полемикой с позитивизмом и настоящей необходимостью самоопределения гуманитарной познавательной сферы перед возможностью ее "растворения" в естественных и точных науках, утратой эпистемологической и методологической идентичности. В связи с "переоткрытием" герменевтических идей в XX веке возник термин "hermeneutical sciences", отражающий единство гуманитарных наук прежде всего с точки зрения их направленности на *понимание* целостности феноменов человеческого бытия.

Если говорить о современной ситуации, то интересно отметить то, что понятие "science" часто замещается понятием "studies": "cultural studies", "social studies", "human studies". Эти терминологические подвижки, характерные, впрочем, в большей степени, для американских исследователей, есть тоже своеобразное веяние времени. Уход от "жесткого" понимания научности диктует и номинацию в виде более расплывчатого и "мягкого" термина, который на коннотативном уровне выражает некоторое "снижение" требований.

Таким образом, возникновение новых терминов для определения гуманитарных наук также отражает их глубинную сущность. "Терминологические трудности" не являются сугубо внешним фактором, не имеющим отношения к сути. Можно сказать, что возникновение новых названий отражало историю самоопределения гуманитарных наук в контексте европейской социокультурной ситуации, а также выражало, конечно, теснейшую взаимосвязь гуманитарных наук и философии. В связи с этим нужно отметить, что творческий импульс Возрождения привел к тому, что "человек стал проблемой человеку". В Средние века множественность интерпретаций в понимании человека и "мира человеческого" была невозможна. Четкая иерархизация католической доктрины не предусматривала "пространства свободы" понимания и интерпретации человеком себя и своего места в мире. Определение границ человечности и человеческого от "низкой твари" до "венца творения", характерное для эпохи Ренессанса, вывело гуманитарные науки на новый уровень понимания собственно теоретико-познавательных задач. Кроме того, тем самым закладывало оно и основу "исторической мис-

сии" гуманитарных наук как потенциально направленных на изменение самопонимания человека и человечества.

Развитие гуманитарных наук, возникновение новых отраслей знания, методологических парадигм и исследовательских программ привели к необходимости типологизации и классификации этой познавательной сферы. В связи с этим был предложен целый ряд классификаций: *герменевтические* и *не-герменевтические*; *теоретические*, *эмпирические* и *практические*; *описательные*, *эмпирические* и *теоретические* и т.п.

Каждая из таких классификаций оказывалась по-своему уязвимой. Всегда находились науки, которые занимали пограничное, промежуточное положение, в разных аспектах и историко-культурных обстоятельствах проявляя себя по-разному. Так, например, в классическом смысле к герменевтическим относятся такие науки, как филология, история, но психология (особенно в ее психоаналитической версии) также может быть причислена к герменевтическим наукам. Разделение на теоретические и практические (прикладные) науки подразумевает различную социальную функцию и роль таких наук, как, скажем, лингвистика и политология. Действительно, политология направлена не просто на теоретическое изучение происходящих в политической сфере процессов, но и на предсказание возможных сценариев развития и механизмов их реализации, а потому всегда имеет ярко выраженную ориентацию на влияние (в разной степени – от сотрудничества до конфронтации) с теми, кто делает "реальную политику". Лингвистические исследования традиционно представлялись в этом смысле как направленные исключительно (и прежде всего) на решение теоретико-познавательных задач, не предусматривая дальнейшего "обратного" влияния на реалии языка.

Однако сама жизнь подчас развеивает подобные иллюзии. В последнее время все чаще классические академические исследования, которые, казалось бы, далеки от сиюминутных практических приложений, также получают новый импульс в связи с меняющимися реалиями современного мира. Например, чрезвычайная популярность культурологических и религиоведческих исследований, прежде интересовавших по большей части самих гуманитариев и просвещенных интеллектуалов, к сожалению, связана с трагическими событиями, явившимися результатом и следствием крушения заманчивой мечты об "однополярном мире". "Ликбез" "cultural studies" современный мир проходит уже не по страницам научных трудов, но через масс-медиа.

Обратимся теперь к рассмотрению теоретико-эпистемологических проблем гуманитарного познания.

Встроенность в структуру субъекта как носителя определенной культуры, определенного языка, определенных социальных убеждений etc., базисных установок в эпистемологической плоскости проявляется в феномене "теоретической нагруженности" эмпирического факта в социогуманитарном исследовании. Признание этого обстоятельства может, тем не менее, приводить к различным эпистемологическим и методологическим выводам. С одной стороны, мы можем, признав и приняв его как неизбежность, продекларировать равноценность интерпретаций в отсутствие каких бы то ни было обоснованных критериев выбора. Характеризуя одну из позиций в современных исторических исследованиях, авторы монографии "Социальные знания и социальные изменения" отмечают, что с точки зрения презентизма "...сами исторические источники содержат факты, отобранные в поддержку определенной точки зрения. Альтернативные исторические факты просто остаются неизвестными. Оценка современного историка — всего лишь одно из звеньев в длинной цепочке интерпретаций"⁷. Иначе говоря, факты в данном случае теряют статус и основания, и аргумента в разрешении научных споров. Как отмечает А. Л. Никифоров, "картина мира или какой-то его области, создаваемая наукой, зависит от уровня развития экспериментальной техники, производственной практики, от господствующих теоретических представлений (парадигм), методов исследования и т.п. Если взять общественные науки, например, историю, то там дело обстоит еще хуже: картины прошлого зависят не только от всего перечисленного, но даже и от идеологических и политических пристрастий ученых. Таким образом, мы получаем множество картин мира, картин общества, картин прошлого, часто несовместимых одна с другой и обусловленных культурно-историческими и т.п. особенностями того или иного субъекта"⁸. Факт в гуманитарных исследованиях, действительно, столь тесно связан с "методологическим идеалом", который подразумевает та или иная исследовательская программа, что оказывается "искусственно полученным свидетельством"⁹.

С другой стороны, можно переформулировать задачу, поставив ее качественно иначе. Иосиф Бродский по этому поводу точно заметил: "У каждой эпохи, каждой культуры есть своя версия прошлого. Например, существует немецкая Древняя Греция XVIII века. Существует английская Древняя Греция. Есть

французская Древняя Греция. Хуже того — есть греческая Древняя Греция, и так далее. А внутри каждого такого большого пласта существует еще разбивка по поколениям. <...> Что для меня во всем этом интересно, так это то, на что именно каждое поколение наводит увеличительное или уменьшительное стекло. То есть что оно в прошлой культуре выделяет, а что — игнорирует”¹⁰. Коль скоро мы не можем руководствоваться образом “идеального познающего субъекта”, совершенно свободного от пред-рассудков, может быть, стоит действительно увидеть, как пишет Бродский, процесс *селекции* и последующей *интерпретации* фактов, сквозь которые просвечивают фундаментальные предпосылки и основания познания человекоразмерной реальности.

Важнейшей эпистемологической проблемой гуманитарного познания является также проблема его языковых предпосылок и оснований. С формальной стороны этой проблемы мы уже столкнулись вначале, когда рассматривали терминологические особенности гуманитарной сферы. Однако дело здесь, конечно, не только в проблеме “именования”. Самый первый слой этой проблемы состоит в том, что познающий субъект есть плоть от плоти не только дитя своего времени, но и дитя своего языка. Кроме того, и объект гуманитарного познания так или иначе связан с языком, языковой традицией, знаково-символической формой выражения той реальности, которая дана его автору/авторам в определенной языковой системе координат. Поэтому проблема “состыковки” языковых кодов представляет собой задачу со многими неизвестными. Так, пациент психоаналитика выражает свои глубинные переживания на приемлемом и доступном для него языке, в то время как психоаналитику необходимо совершить “двойной” перевод — адекватный целям и задачам его исследования — сначала с языка пациента на язык психоаналитика, а затем — на язык психоанализа. Дискуссия, развернувшаяся между П. Уинчем и Р. Тейлором по поводу возможностей и границ понимания примитивных обществ в гуманитарных исследованиях, показала, что проблема совмещения и перекодировки языков носит многослойный характер. Вопрос о том, можем ли мы без потери смысла давать отличные от изначальных имена действиям и поступкам людей с радикально иной системой взглядов и ценностей, а затем переводить это на язык научного исследования, может быть решен с различных позиций. Кроме того, как отмечает Р. Тейлор, язык понимается здесь не только и не столько в смысле естественного языка, но в данном случае, например, можно говорить о “языке европей-

ца" как воспитанного в определенной культурной традиции, накладывающей отпечаток на изначальное понимание объекта исследования, что проявляется, например, в использовании ярлыка "примитивный" применительно к иному способу организации общества, иной "форме жизни", имеющего дополнительный ценностный смысл¹¹.

Необходимость поиска новых языковых средств, связанная с насущной потребностью в мета-языке остается весьма актуальной и широко дискутируемой проблемой. Как справедливо отмечает Клоппенберг, обсуждение проблемы метаязыка гуманитарных исследований стало одним из узловых пунктов постмодернистского дискурса¹².

И, наконец, одной из важнейших проблем гуманитарного познания является проблема полиинтерпретируемости (Polyinterpretability). Сама возможность сосуществования различных (подчас полярных) интерпретаций одних и тех же феноменов, реалий, процессов, столь характерная для гуманитарного познания, поистине является серьезным вызовом претензии гуманитарных исследований на научность. "Конфликт интерпретаций" (в терминологии П. Рикера) является необходимым условием научного поиска и обретения новых смыслов и новых культурных реалий. Очевидно, что именно сосуществование в рамках одной науки различных интерпретаций одних и тех же феноменов, становится предметом жесткой критики с позиций фундаментализма и классической эпистемологии, ведь тем самым ставится под сомнение единство и идентичность самой науки, допускающей в своих рамках подобные разночтения. На первый взгляд это утверждение кажется парадоксальным, ведь история естествознания знает немало примеров сосуществования различных интерпретаций, но дело не только в том, что это явление и воспринимается, и реально является симптомом незавершенности исследований, т.е. представляет собой необходимый, но все же временный элемент научного поиска. В гуманитарной сфере проблема верификации интерпретации, выбора конкурирующих толкований происходит существенно иным образом. Скорее всего, рассуждения в терминах истинно/ложно применительно к различным интерпретативным суждениям не являются корректными. А коль скоро это так, то эпистемология гуманитарных наук оказывается перед выбором. С одной стороны, мы можем остановиться на декларации принципиальной неформализуемости и неверифицируемости интерпретации. Другой выход предлагает Л. А. Микешина, по мнению которой необходимо "...найти логические понятия,

приемы и методы для фиксации в гуманитарном и социальном знании слабо формализуемых рассуждений, расплывчатых идей, а также изменчивых и неопределенных феноменов, служащих условием и предпосылкой релятивизма в познании"¹³.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что проблема специфики гуманитарного познания, как показывает история самоопределения "наук о духе", оказывается связанной, по меньшей мере, с несколькими обстоятельствами. Во-первых, социокультурные подвиги, приводящие к пересмотру представлений о природе человека, субъекта, субъективности, взаимоотношений человека и мира, являются "внешними предпосылками" для парадигмальных сдвигов в гуманитарном познании, что находило свое отражение и на уровне терминологическом, и на уровне сущностном. Во-вторых, развитие гуманитарных наук, теснейшим образом связанное с развитием теологических и философских представлений,

В-третьих, обсуждение специфики гуманитарного познания получает новый импульс с развитием новых методов исследования феноменов человеческого бытия, возникающих в рамках естественных, точных наук и междисциплинарных областей знания (синергетика, когнитивистика и т.п.).

История самоопределения гуманитарных наук, полная драматизма, взлетов и падений, продолжается у нас на глазах. Стоит надеяться, что философские исследования этой темы будут, выражаясь словами Ф. Бэкона, и "светоносными", проясняющими эпистемологические и методологические основания, и "плодоносными", открывающими новые пути и перспективы научного поиска.

¹ См.: Автономова Н. С. Деррида и грамматология // Ж. Деррида. Письмо и различие. М., 2000. С. 7–107; Библихин В. В. Слово и событие. М., 2001; Благо и истина: Классические и неклассические регулятивы / Отв. ред. А. П. Огурцов. М., 1998; Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997; Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова СПб., 1999; Грякалов А. А. Поэтический язык и герменевтика события // Герменевтика в России: Сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 151–166; Зотов А. Ф. Современная западная философия. М., 2001; Он же. Существует ли мировая философия? // Вопр. философии. 1997. № 4. С. 19–37; Исторические типы рациональности / Отв. ред. П. П. Гайденко М., 1996. Т. 2; Исторические типы рациональности / Отв. ред. В. А. Лекторский. М., 1995. Т. 1; Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1998; Он же. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. М.; СПб., 2000; Когнитивная

эволюция и творчество / Отв. ред. И. П. Меркулов. М., 1995; Кра-
вец А. С. Наука как феномен культуры. Воронеж, 1998; Крымский С. Б.
Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопр.
философии. 1998. № 4. С. 40–49; Марков Б. В. Языки бытия. СПб.,
1998; Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991; Куз-
нецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до филосо-
фского направления // Герменевтика в России: Сб. науч. тр. Воронеж,
2002. Вып. 1. С. 6–68; Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и
критицизме // Вопр. философии. 1997. № 11. С. 46–54; Он же. Теория
познания (гносеология, эпистемология) // Вопр. философии. 1999. № 8.
С. 72–80; Мамчур Е. А. Научный рационализм и психологические факторы
// Естествознание в гуманитарном контексте. М., 1999. С. 5–20; Мике-
шина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М.,
1997; Микешина Л. А. Философия познания. Polemические главы. М.,
2002; Миронов В. В. Образы науки в современной культуре и философии.
М., 1997; Альтернативные формы знания / Под ред. В. В. Маркова.
СПб., 1995; Порус В. Н. Эпистемология: Некоторые тенденции // Вопр.
философии. 1997. № 2. С. 93–111; Научные и вненаучные формы мыш-
ления. М., 1996; Неретина С. С. Автор и дискурс // Благо и истина: клас-
сические и неклассические регулятивы. М., 1998; Неретина С. С. Средне-
вековое мышление как стратегема мышления современного // Вопр. фило-
софии. 1999. № 11. С. 120–150; Никитин А. Г. Познание и заблуждение.
М., 1998; Смирнова Н. М. От социальной метафизики к феноменологии
"естественной установки". М., 1997; Социальные знания и социальные из-
менения / Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 2001; Степин В. С. Теоретичес-
кое знание. М., 2000; Фейнберг Е. Л. Наука, искусство и религия // Вопр.
философии. 1997. № 7. С. 54–62 и др.

² Strasser S. Understanding and Explanation. Basic Ideas Concerning the
Humanity of the Human Sciences. Pittsburgh, 1985. P. 174

³ См.: Caputo John D. More Radical Hermeneutics: on Not Knowing Who
We Are. Bloomington; Indianapolis, 2000. P. 151–152.

⁴ См.: Sokal A. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of
Science. N.Y., 1998.

⁵ Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996. С. 31.

⁶ Strasser S. Understanding and Explanation. Basic Ideas Concerning the
Humanity of the Human Sciences. Pittsburgh, 1985. P. 7.

⁷ Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В. Г. Фе-
дотова. М., 2001. С. 153.

⁸ Никифоров А. Л. Необходимость абсолютного // Эпистемология &
философия науки. М., 2004. Т. 1, № 1. С. 70.

⁹ Strasser S. Ibid. P. 81.

¹⁰ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2003. С. 385–386.

¹¹ Taylor R. Understanding and Explanation in the Geisteswissenschaften // Wittgenstein: To Follow a Rule. London, 1981. P. 191–210.

¹² Kloppenberg J. T. Pragmatism: An Old Name for Some New Ways of
Thinking? // The Revival of Pragmatism. New Essays on Social Thought, Law,
and Culture / Ed. by M. Dickstein. Durham; London, 1998. P. 91.

¹³ Микешина Л. А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология & философия науки. М., 2004. Т. 1, № 1. С. 61–62.